
РЕЦЕНЗИИ

Л.С. Клейн

ОБ «АРХЕОЛОГИИ И НЕ ТОЛЬКО...», И НЕ ТОЛЬКО

L.S. Klein. On «Archaeology and Other Things...» and Other Things

In a way, it is a review of the book “Archaeology and other things... A contribution to the thirtieth anniversary of the archaeological expedition of the Leningrad Palace of Pioneers” edited in St.-Petersburg in 2002. It is a large volume (of over 500 pages) written by its 65 authors for their own pleasure; it is a collective book compiled of personal memoirs, memories, but at the same time it turns to be extremely interesting for any reader. It tells about the long-standing archaeological expedition to Siberia organized by the school archaeological club at the Leningrad Palace of Pioneers. It was a real expedition, in which the schoolchildren from Leningrad worked under the leadership of several professional archaeologists. Dozens of schoolchildren spent summers in this expedition, collecting impressions, building their life and work skills through participation in collective activities. The author of this review analyses the environment conditioning the schoolchildren’s activities in that far-away and harsh expedition, shows its heroes doing their complicated and necessary business.

Этот огромный том (in octavo объемом более 500 страниц) написан его 65 авторами для самих себя – это милые их сердцу личные воспоминания, – но странным образом оказывается невероятно увлекательной для совершенно постороннего читателя, и можно пожалеть, что она издана столь крохотным тиражом – в 400 экземпляров (Археология 2002).

Речь в этой книге идет о многолетней Сибирской археологической экспедиции школьного археологического кружка Ленинградского дворца пионеров. Это не ближняя археологическая вылазка, какие делаются многими кружками юннатов и краеведов, а серьезная экспедиция, в которой ленинградские школьники работали под руководством нескольких профессиональных археологов и нередко студентов кафедры археологии. В этой экспедиции десятки школьников проводили летние сезоны, мужали и крепили, набирались впечатлений, умения жить в коллективе и постоянно трудиться. Не все поступали в Университет и становились археологами, но все сохраняли любовь к памятникам отечества, чувство причастности к его истории и – отсюда – ответственность за него.

Собиратели и литературные объединители текстов А. Васильев и А. Иконников-Галицкий стесняются того, что только повествование о первых десяти годах получилось цельным, а дальнейшее время отражено более сумбурно. Но стесняться этого не стоит: экспедиция в Сибирь закончилась, и от нее отпочковались другие, на Юг и на Север; новые школьники и студенты сменили «стариков»; активность это-

го ядра расширилась и включила не только археологические экспедиции, и вообще не только археологию. Кружковцы приняли участие в научных дискуссиях и в политической борьбе за возрождение страны. Захватывают рассказы о том, как плавно и последовательно их многотрудная археологическая деятельность, подсвеченная кострами бардовских песен, перетекала в возмущение порядками застоя и в митинговую полемику на площадях.

Из многих авторов и одновременно героев повествования особенно выделяются две фигуры. Первая – это создатель и многолетний руководитель школьной экспедиции (авторы без большого преувеличения называют его «создателем детской археологии») Алексей Виноградов. Виноградов делал ценные научные исследования в археологии не только в экспедиции – специалисты не пройдут мимо его статей, основанных на статистической обработке материалов. Но в сумятице перестройки его археологическая карьера не сложилась. Зато он нашел себя в другом. Человек редких душевных качеств, порядочный, мягкий и одновременно требовательный, он взял на себя ответственность и смелость возить в Сибирь, в тайгу и в горы, школьников, сумел справиться с норовистой детской ватагой и сплотить их в работоспособный коллектив. В воспитывающий коллектив. Я считаю, что его организаторский потенциал и сейчас велик, а по сути остается невозтребованным.

Сам Виноградов всегда был человеком с точки зрения советских властей сугубо благо-

надежным. Его избирали в комитет комсомола даже когда он еще не был комсомольцем, вербовали в КГБ, послали на два года преподавать в Афганистан. Но своей экспедицией он представил ленинградским ребятам возможность вырваться из поганой атмосферы брежневского застоя и андроповской дрессуры. Поэтому не случайно, что именно в его окружении вырос Леша Ковалев, бунтовщик и трибун (ну, кое-что к атмосфере, вероятно, добавила и идейная мятежность другой среды – моего семинара).

Алексей Ковалев по прозвищу «Китаец» – это вторая известная фигура, которая ярко вырисовывается в массе текстов Сибирского тома. Всякий, кто интересуется биографией нынешнего депутата Алексея Ковалева (кстати, продолжающего ежегодно ездить в археологические экспедиции на Восток – в Сибирь, в Китай и Монголию), может проследить его рост по текстам этого тома. В экспедициях он сложился как организатор и лидер. Там его ждали научные открытия (за которые он избран членом-корреспондентом престижного Немецкого Археологического Института), там его ждали и бедствия (погибла любимая жена Катя Прохорова). Формирование его убеждений, характера и качеств проходило многие годы на глазах 65 свидетелей и отражено в их искренних воспоминаниях. Нравственная чистота этого растущего политического лидера несомненна для всех читателей этих материалов. Его противникам и обвинителям надо бы иметь это в виду. Атмосфера Группы Спасения описана изнутри. Вообще в томе впервые представлена история этого первого публичного демократического образования в Ленинграде перестроечных лет. Это Ковалев первым выступил за роспуск Ленинградского комсомола (заседания верхушки которого выродились в череду попок) и инициировал кампанию за возвращение городу исторического имени Санкт-Петербург, проведенную мэром Собчаком.

Ответственным редактором тома, написавшим вдохновенное предисловие, является проф. Г. С. Лебедев, сам предпринимавший не только обычные археологические экспедиции, в которые брал с собою и школьников, но и сугубо романтические путешествия по «пути из Варяг в Греки» на ялах и специально построенных древних ладьях через всю Россию (Лебедев и Жвиташвили 1999).

Вроде бы мне и не гоже рецензировать этот том: двое главных героев, как и редактор тома Лебедев, – мои ученики, а патрон, покойный исследователь Тувы Александр Данилович Грач – мой однокурсник и друг. С другой сто-

роны, в повествовании этот факт проходит сугубо на заднем плане, персонаж по кличке Учитель упоминается лишь мимоходом, да я и на деле не был связан с Сибирской археологической экспедицией школьников, ради воспоминаний о которой был собран этот том. Во время действия этой экспедиции (с 70-х по начало 80-х) я уже давно перешел от работы со школьниками к Проблемному археологическому семинару (состоявшему из студентов и молодых научных работников), а кроме того никогда не занимался исследованием Сибири. Но перед тем я со школьниками работал, в экспедиции их возил, поэтому мне легче других оценить значение этого тома. Вот почему моя персональная прелюдия к коллективной истории этого тома может представлять некоторый интерес.

Мои занятия со школьниками были естественным следствием зигзагов моей профессиональной карьеры. Окончив кафедру археологии, я не мог поступить в аспирантуру (тогда евреям это было почти невозможно), поэтому поступал четыре раза. А пока устроился преподавать в школе, при чем школу рассматривал как неизбежное зло, как унижение (мне с моими способностями и задатками!). Но мне повезло: я начал с поселковой школы, а там учитель был уважаемой персоной. Понравились и школьники – они с таким увлечением слушали меня, таким горением отвечали на каждую искру! Неожиданно для себя я увлекся и стал лихорадочно читать книги по педагогике и методике преподавания, советы старых мастеров, стал отрабатывать свою методику. Мои уроки стали совершенствоваться, меня заметили, скоро я перебрался в город уже молодым мастером своего дела.

Это было в 50-е годы в Гродно (Белоруссия). Там я не только смог интересно вести уроки, но и вспомнил свою профессию – собрал экспонаты, со школьниками организовал в школе археологический музей и в летние каникулы стал ходить с ними в многодневные походы по рекам Неману и Роси, точнее в разведывательные археологические экспедиции. Основной груз экспедиции мы везли на шлюпках, а группы участников, рассыпавшись веером, шли по берегам до очередного привала и наносили на карту все замеченные археологические памятники, описывая их и собирая поверхностные находки. Предварительно, конечно, пришлось всех участников обучать азам археологии.

Два года подряд мы ходили в эти экспедиции, и многие обнаруженные нами неолитические стоянки и городища железного века внесены по нашим материалам в «Энциклопедию

археологии Белоруссии». А на третий год мы присоединились к работавшей в Понеманье археологической экспедиции Ф.Д. Гуревич из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. С нами ездил и корреспондент минских молодежных изданий, снимали нас и кинорепортеры (телевидения тогда еще не было).

Конечно, по материалам этих экспедиций создавались и огромные стенгазеты с массой веселых фотоснимков и экспедиционных рассказов, сочинялись песни и стихи. Всё это было как после всякой молодежной экспедиции. Но кроме этого я стал писать кандидатскую диссертацию по педагогической науке – об использовании археолого-краеведческих экспедиций в школьном образовании, а вместе с группой старшеклассников и с моей спутницей учительницей литературы Ингой Анатольевной Карпюк (женой моего друга, известного белорусского писателя-диссидента Алексея Карпюка), мы стали писать озорную книгу о наших путешествиях. Обе рукописи были завершены, но диссертацию по педагогике я не стал подавать на защиту, поскольку времена изменились (настала хрущевская «оттепель») и обнаружилась возможность поступить в аспирантуру по археологии (в 1957 г. я вернулся в Ленинградский университет). А вторую рукопись мы послали в Минск для издания, но получили от минских ученых педагогов разгромный отзыв (не соблюдены основные принципы советской педагогики, всё несерьезно и не те герои). Коль скоро я был уже в Ленинграде, для меня проблема этих изданий утратила интерес. Ни времени на эту возню, ни охоты заниматься ею уже не было.

Еще будучи в аспирантуре по археологии, в 1958 году (а не в 1960, как упоминается в предисловии к Сибирскому тому), я сколотил при кафедре школьный археологический кружок – в немалой степени потому, что соскучился по юным ученикам и по возможности делиться своими идеями (преподавать на кафедре я начал только в 1962 году, а в штат был зачислен в 1964). Школьники моего кружка скоро стали оказываться студентами, и сразу же, с 1964 г., я организовал вокруг этого ядра при кафедре археологии студенческий Проблемный семинар, своеобразный учебно-исследовательский центр. Кружок школьников я вел с помощью студентов лет двенадцать, хотя сам все больше сосредоточивался на семинаре – дел там было много: в качестве его трудов стали выходить «Проблемы археологии», да и сборник «Типы в культуре» был организован с его помощью; в середине 60-х деятельность семинара

была нацелена на победу (и элементарную возможность уцелеть, выжить) в «варяжской дискуссии» (об этом см. статью Г.С. Лебедева в журнале «Stratum plus» 1999, 5).

Около 1970 г. я окончательно передал школьный кружок своим ученикам, он передвинулся в Эрмитаж (с эрмитажным кружком мы и раньше дружили). В это время особенно активным и последовательным в работе со школьниками оказался Алексей Виноградов (в томе САЭ – Шеф, А.В.), у которого я был научным руководителем по кафедре.

Оглядываясь назад на нашу Гродненскую так и не напечатанную историю походов (а она видимо похожа на другие подобные же), я вижу, насколько она была слабее нынешнего тома (слава богу, что она не напечатана). Да, она была написана свежо и с юмором, возможно, зажигательно для юного читателя. Но, во-первых, она была создана в основном учителями – Ингой Анатольевной и мною, а из творчества школьников в нее попали только отдельные высказывания, фразы и остроты, которые мы, взрослые, запомнили и отобрали. В сибирском же томе представлено аутентичное творчество всех участников, включая рядовых, а всего авторов 65.

Во-вторых, наш сборник был написан по свежим следам, без дальней перспективы времени. К моменту написания участники оставались юными и помочь в осмыслении событий могли лишь проверкой подлинности, подстегиванием юмора и энтузиазмом. Сибирский же том составлен «из будущего», с расстояния в несколько десятков лет – для большинства от тридцати до двадцати. С отрывками аутентичных записей описываемого времени (мемуары, дневники, письма и записки) соседствуют и преобладают воспоминания самих юных участников сильно повзрослевших – на тридцать и двадцать лет. Это зрелые суждения 35- и 45-летних людей о собственном прошлом и прошлом своих друзей.

В-третьих, наша история была скромной и провинциальной. Сибирская же археологическая экспедиция и ее дочерние экспедиции выезжали из Ленинграда, то есть из важнейшего культурного центра России, где происходили знаменитые политические события. Там создавался Сибирский том. В воспоминаниях участников отразились ведущие процессы культурной и политической жизни России – университетская и академическая жизнь, поэтические вечера, песни бардов, неординарные научные идеи, фрондерство и диссидентские традиции.

В 1998 году я по просьбе археологов Дворца пионеров (Аничковского дворца) попытался кратко обобщить свой опыт работы в археологическом кружке школьников при Университете (Клейн 1999). Я излагал там свои представления: что может сплотить школьников надолго (серьезные научные задачи, актуализация памятников научной полемикой, создание у школьников ощущения роста и пр.) и как их приобщить к археологии (опора на пристрастия, продвижение от загадок к решениям и пр.). Как и зачем. Ныне в послесловии к Сибирскому тому об истории САЭ ее участник Михаил Эпштейн, ставший кандидатом педагогических наук, формулирует схожие принципы, лежавшие в основе работы А. Виноградова, интуицию которого Эпштейн, воспитанник САЭ, считает гениальной, называя Шефа «гениальным педагогом» (с. 511). В качестве интуитивно найденных факторов, которые сотворили такой чудодейственный коллектив, Эпштейн перечисляет конкретное, трудное и нужное дело, клубную атмосферу, разновозрастную структуру детско-взрослого коллектива, поощрение самостоятельности, подросткового авантюризма и риска, игровое оформление.

Книга эта должна привлечь внимание не только археологов, геологов и всех, кто ходит в экспедиции, но и педагогов, историков города и культуры, а возможно, родителей и их чад. Вероятно, очень важно для человека с юности попасть в сообщество, состоящее из людей, по определению Анджея Иконникова-Галицкого, так сказать «повышенной яркости», «выше средней жизненной активности, заставляющей их путешествовать в дальние страны, бродить по диким горам, терпеть неудобства палаточно-лагерной жизни, копать древние курганы, писать поэмы, проводить ночи у костра за чтением стихов и пением песен... И вообще проявлять всячески ту избыточную, ненужную с точки зрения индивидуальных выгод, но совершенно необходимую для творческого развития энергию, которую с легкой руки Л.Н. Гумилева, принято называть пассионарностью» (с. 6).

На мой взгляд, романтика экспедиций – не единственный путь формирования творческого

сознания и сильного характера. Признаться, сама по натуре домосед. Меня в экспедициях привлекала не романтика, а проблематика. Трудные задачи формируют коллектив и личность не только в экспедициях, но и в лабораториях, в политике, в бизнесе, в охране права и порядка, в армии, в спорте, в искусстве, в любом важном и нужном деле. Везде, где есть проблема, увлеченность и лидер. Но экспедиция, это, наверное, самый наглядный способ представить такие задачи и увлечь ими молодежь.

Романтики хватало и в моей экспедиции 70-х в степях под Новочеркасском. Были и курганы, и выжженная степь, и палатки, и знамя экспедиции, реявшее на мачте – с вздыбленным геральдическим львом, вызывавшим опасливое недоумение местных властей. Правда, девочки вышили льва, с лопатой в лапах, в очках и пылевшим (Львом), но всё же власти интересовались, что за организация вывесила такой флаг, подозрительно смахивающий на чужестранный. Слава богу, у нас было полно иностранных студентов-практикантов (негры всех сортов, арабы, вьетнамцы, японцы, финны, даже пуэрториканка), так что наши ребята называли какую-нибудь экзотическую страну и уверяли, что из солидарности отмечают день ее независимости. Я старательно поддерживал самоорганизацию студентов, даже отдал им в ведение финансы экспедиции. В этой экспедиции работали у меня и отряды школьников, но местных. Свои легенды и дорогие сердцу воспоминания есть в любой сколько-нибудь долговременной экспедиции.

Но никому не пришло в голову создать коллективную книгу из этих личных мемуаров. И не случайно. Такой прочный и долговременный коллектив, с дружбой на всю жизнь, складывается не в любой экспедиции. Дальняя и опасная экспедиция, состоявшая в основном из школьников, – явление уникальное. Она могла окончиться аварией и катастрофой. За двадцать лет могло быть двадцать аварий и катастроф. Но экспедиция вылилась в одну большую победу. Теперь ее опыт можно изучать, а ее участникам завидовать. У них была сказочная юность, запечатленная в исторической эпосе.

ЛИТЕРАТУРА

Археология 2002. Археология и не только... К тридцатилетию Сибирской археологической экспедиции Ленинградского дворца пионеров. СПб, [Академия общественных связей], 520 с., св. 100 илл., тираж 400 экз.
Клейн Л.С. 1998. Мемуар о работе в археологическом кружке исторического факультета Ленинградского универ-

ситета. – Аничковский Вестник № 11, 1998 (Ассоциация ученых научных обществ "Аничков дворец"). Античная религия и философия. СПб.: 91 – 96.
Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. 1999. Дракон Нево на пути из варяг в греки. СПб., [Русское Географическое общество, Санкт-Петербургский университет и др.]

Статья поступила в номер 16 июля 2005 г.